
О метаморфозе одного института гражданского общества*

© 2022 г. **Петар Боянич**

*Институт философии и социальной теории, Белградский университет,
Сербия, Белград, 11000, ул. Королевы Натальи, д. 45;
Уральский федеральный университет (УрФУ), Екатеринбург, 620083, проспект Ленина, д. 51.*

E-mail: bojanicp@gmail.com

Поступила 17.04.2019

В статье изложена версия эволюции института полиции, который, исходно являлся частью гражданского общества, а не государства. Несколько абзацев из лекций Гегеля по философии права становятся отправной точкой данной реконструкции. Опираясь на высказанные в них идеи, автор объясняет механизм возникновения полиции из деятельности граждан по установлению правил (протоколов) взаимодействия, надзор за которыми они сообща ведут ради общего блага, – в этом, собственно, изначально и состоит назначение полиции. Предлагаемая реконструкция может быть полезна в двух аспектах. Во-первых, она указывает на постепенное вырождение института полиции, на превращение ее из института гражданского общества в элемент системы государства и орган внешнего насилия, а следовательно, на уменьшение участия граждан в деятельности надзора за соблюдением общего блага и на превращение их в пассивный объект чуждого властного воздействия. Во-вторых, данная реконструкция показывает, что различные виды современной гражданской активности в области социальной политики (policy making) зародились как часть первых полицейских протоколов и связанных с ними действий.

Ключевые слова: полиция, гражданское общество, общее, Гегель, политика.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-34-40

Цитирование: *Боянич П.О.* О метаморфозе одного института гражданского общества // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 34–40.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

On the metamorphosis of one Institution of Civil Society*

© 2022 Petar Bojanic

*Institute of Philosophy and Social Theory of the University of Belgrade,
45, Kraljice Natalije str., Belgrade, 11000, Serbia; Ural Federal University,
51, Lenina av., 620083, Ekaterinburg, Russian Federation.*

E-mail: bojanicp@gmail.com

Received 17.04.2019

The article presents a version of the evolution of the police institution, which was originally part of civil society, not the state. A few paragraphs from Hegel's lectures on the philosophy of law become the starting point of this reconstruction. Based on the ideas expressed in them, the author explains the mechanism of the emergence of the police from the activities of citizens to establish rules (protocols) of interaction, the supervision of which they jointly conduct for the common good – this, in fact, is the purpose of the police initially. The proposed reconstruction can be useful in two aspects. Firstly, it points to the gradual degeneration of the institution of the police, to its transformation from an institution of civil society into an element of the state system and an organ of external violence, and consequently, to a decrease in the participation of citizens in the supervision of the observance of the common good and their transformation into a passive object of alien power influence. Secondly, this reconstruction shows that various types of modern civic activity in the field of social policy (policy making) originated as part of the first police protocols and related actions.

Keywords: police, civil society, the universal, Hegel, policy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-34-40

Citation: Bojanic, Petar (2021) "On the metamorphosis of one Institution of Civil Society", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 34–40.

Полиция, какой она нам видится сегодня, представляет собой государственную структуру, осуществляющую специализированный социально-гигиенический контроль, и находящуюся «за рамками» гражданского общества, – она появляется как бы «извне», чтобы устранить возникший социальный беспорядок и установить отношения, почитающиеся за норму. Поэтому полицейские приемы в первую очередь представляются нам насильственными. Но ведь само название данного института, *police*, и его деятельности, *policing*, связаны с такими словами, как «полис» и «политика», привычно ассоциирующимися не столько с «государством», сколько с «гражданским обществом». Задача этой статьи и состоит, собственно, в том, чтобы выяснить, возможно ли движение этого института в сторону гражданского общества и может ли социально ангажированный гражданин быть в каком-то смысле «полицейским»? Способно ли большее участие граждан в каждодневной жизни общества уменьшить градус полицейского вмешательства и полицейского насилия? Может ли коллективная политика (*policy*) рассматриваться как обеспечение порядка (*policing*)? В данной статье я намерен показать, что присущее современному обществу полицейское насилие – не что иное, как следствие деформации самой функции института полиции, чьи очертания появляются еще в самом начале истории институциональной деятельности.

* The article was prepared in the course of the research in the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) and with the use of subsidies within the state support of the leading universities of the Russian Federation "5-100".

Вальтер Беньямин в известном произведении 1921 г. «К критике насилия», рассматривая различные виды насилия (Gewalt), упоминает полицию и указывает на две характеристики последней. Первая и основная – это постоянная связь с насилием, хотя роль института полиции в современном государстве, по мнению Беньямина, трудно точно определить, поскольку присущее полиции насилие «является аморфным»: в этом институте «упразднено разделение на правополагающее и правоподдерживающее насилие» [Беньямин 2012, 77]. Однако, продолжает Беньямин, «утверждение, что цели полицейского насилия всегда идентичны или хотя как-нибудь связаны с целями остального права, является абсолютно ложным» [там же].

Второе замечание Беньямина о полиции и насилии касается ситуаций, когда полиция отклоняется от правопорядка и создает «право полиции», то есть «из соображений безопасности» действует в бесчисленных случаях, когда правовая ситуация характеризуется отсутствием какой-либо ясности» [там же, 78]. Согласно Беньямину, слабость государства позволяет полиции оказаться в роли лица совершенно отдельного, не подчиняющегося государству или гражданскому обществу, и осуществлять террор «полицейского права» над своими гражданами. Но как это возможно? И вообще, что такое «власть полиции»? Кто дал полиции полномочия действовать, наблюдать за гражданами, держать их под надзором или избивать? Кто использует полицию в целях монополизации насилия? И когда, в каких ситуациях полиция превышает свои полномочия? Что объединяет социальную активность и коллективные действия граждан и полиции? В какой степени полицейский протокол является частью коллективного действия на благо всех? Как контроль свободы личности, ее подавление – а это и есть основная характеристика полиции – могут защищать общие интересы?

Высказывания двух выдающихся философов-институционалистов начала XIX столетия, Сен-Жюста и Гегеля, касательно института полиции разделяет двадцать пять лет. Сен-Жюст детально объясняет, почему институт полиции основан на ошибочных принципах (один из которых – шпионаж), почему полиция коррумпирована и пользуется насильственными методами, почему работает против народа и общественного сознания, часто в пользу врага, и делает примечательный вывод: «Мы должны объединиться, чтобы сформировать *общественное сознание* (курсив мой. – П.Б.) – это и есть лучшая полиция!» (цит. по [Napoli 2003, 228]).

В семинаре 1818/1819 г. «Die Philosophie des Rechts» (по конспектам Гомейера), Гегель также ищет альтернативу полиции, или изначальную модель, изначальную «инстанцию полиции». Это *Politeia* – «всеобщая бдительность на благо отдельного человека и для поддержания порядка». Ныне, утверждает Гегель, *Politeia* «пришла в упадок», превратилась в собственно полицию и часто приравнивается к государству [Hegel 1973, 310]. А «полицейское государство», или государство вообще, которое Гегель отождествляет с внешним порядком (*aüssere Ordnung*), можно представить в образе часовой. Часовой – это символ власти и бдительности «всеобщего», он стоит на страже «всеобщего» и должен не только ликвидировать нарушение порядка, но и предупредить его. Множество людей, их несчетные случайные действия требуют общего надзора: «Нечто всеобщее должно наблюдать за ними, предотвращая вредоносные последствия через модификацию произвольности моих собственных поступков. Между всеобщим и этой индивидуальной произвольностью идет вечная борьба» [Hegel 1980^a, 159–164].

Однако крепкие связи между отдельными людьми создают условия для уменьшения насилия всеобщего над индивидом – вечная борьба, о которой говорит Гегель, становится менее насильственной. Если индивиды не вступают в общение друг с другом и не создают общее – то самое «общественное сознание», – им приходится иметь дело с порядком, устанавливаемым извне и очень часто вызывающим реакцию отторжения или

противодействия со стороны индивидов¹. Отсюда и несогласие Гегеля с идеей «профессионализации полиции», которую проповедовал Фихте на лекциях по философии права.

В самом деле, недостаточная социальная активность граждан, их слабая организация, плохой уровень *совместной* работы и действий неизбежно вызывают к жизни профессиональную инстанцию, способную защитить общественное пространство посредством принудительных действий (Ганс Келсен употребляет термин *Zwangakte*), – силой навязывая порядок. И наоборот, забота самих граждан о пространстве, в котором они живут, и защита его – то есть ситуация, при которой граждане ведут себя как граждане, обеспечивая общую гражданскую полицейскую опеку («policing»), – способны возродить изначальное назначение полиции как *bonne police* (см.: [Laborier 1999, 7–35]). Последняя по своим функциям не приравнивается к поддержанию общественного порядка, но предъясвляет набор институциональных действий.

* * *

Что я имею в виду, говоря об «институциональных действиях»? Поясню на примере. У моего компьютера французская клавиатура, и то, что по-английски обозначается словом *font* – «кегель» (например, «12»), на ней обозначено словом *police*: речь идет о *предписании*, или *правиле*, согласно которому на всех экранах кегль «12» идентичен. Французский термин подсказывает, что это же имеет отношение и к полиции, которая является инстанцией, формулирующей, регулирующей и защищающей правила и стандарты, независимые от интересов отдельного человека и превосходящие их. Полиция, *police (f)*, как и кегль *police (m)*, – это страховка, гарантия «переноса» и «совместимости» действия.

Полиция облегчает наше общение² и движение между нами элементов, которыми мы манипулируем. В этом и должен состоять смысл полицейского протокола: мы все, предупредительно или своевременно, ведем наблюдение и исключаем из общества или корректируем тех участников, чье поведение не соответствует стандартам. В таком случае полиция оказывается *условно внешней*, экспертной частью граждан (например, города), призванной восстановить и «отполировать»³ нарушенные и контаминированные отношения. Однако всякий раз, когда некий индивид или группа индивидов не следуют стандартам, причиняя вред другим лицам и узурпируя общественное пространство в такой степени, что совместная инспекция большинства это скорректировать не может, и когда в дело вступает указанная *внешняя* сила, начинаются искажения и извращения норм поведения даже по отношению к людям, которые норм придерживаются и нормы контролируют.

Гегель и его определения полиции в лекциях о философии права разных лет помогают увидеть, что полиция в каком-то смысле решает социальные вопросы и ее не следует представлять *безусловно внешней* инстанцией, имеющей отношение лишь к системе государственного насилия⁴. Причем насилие, как ни парадоксально, сближает и караульного, стоящего на страже универсального, и нарушителя, уклоняющегося от него, а все виды насилия, которые здесь могут возникнуть, препятствуют общению и обмену внутри группы и свидетельствуют о недостаточном вовлечении всех в действие на благо всех (*gemeinschaftliche Glückseligkeit, bonheur commun*), в чем, собственно, и состоит исходное назначение полиции, а также идеал *bonne police* [Justi 1756, 1].

* * *

Любое институциональное действие по природе своей предполагает «полицейскую» (в означенном нами смысле) технику развития и защиты универсального: все действия, поддерживающие целостность той или иной группы, уже подразумевают полицейское присутствие и полицейские протоколы. Здесь важны две фазы развития протокола полицейского вмешательства: а) установление институциональной структуры (ради общего блага), которое я усматриваю, например, в библейском предании

о строительстве Вавилонской башни и б) право призыва о помощи, обращенное к обществу, *ius provocatio* – обычай, установленный в Древнем Риме, дающий право любому человеку и гражданину подвергнуть сомнению решения судьи и настаивать на дальнейшем рассмотрении конкретного вопроса, касающегося интересов общества – древнеримский эквивалент и исходный вариант «вызова полиции». Подробнее остановлюсь на последнем.

Как сообщает Тит Ливий (История Рима I, 26, 9), знаменитое «Provoco» («Обращаюсь к народу») произносит Публий Гораций во время суда над ним, вершимого дуумвирами. Что означают эти слова? *Provoco* – вызвать, привлечь третье лицо. «Этим обращением, – пишет Тит Ливий, – дело было передано на рассмотрение народа». *Ius provocatio* есть право римского гражданина обратиться к народу или призвать его на помощь и таким образом воспротивиться решению судьи. Это вызов, имеющий силу закона.

Если человек решается на *провокацию*, это значит, что он намеревается собрать людей, отсутствующих на месте происшествия, или донести до них свой призыв. Этот зов, восклицание, обращенное к третьим, отсутствующим лицам и есть основная черта социального акта. Чтобы прекратить насилие над собой внешней инстанцией, Гораций зовет всех, зовет народ – полицию, в правильном понимании этого слова, – обращаясь к «общественному сознанию». «Общий интеллект» (*allgemeines Wissen* Маркса) или «общественный разум» (*public reason* Роулза) ведут свое начало от критики функций полиции, которую во время революции формулирует Сен-Жюст. Вместо того, чтобы являть собой некую внешнюю инстанцию, которая обладает властными полномочиями подавления, этот институт мог бы действовать эффективнее, если бы он был основан на прочных связях между конкретными людьми – на тесных отношениях внутри сообщества.

* * *

Исходя из Гегеля, который здесь (парадоксально) выступает в роли блюстителя демократического социального статуса, мы хотели бы сформулировать, что такое полиция или чем она должна быть.

Гегель разрабатывал тему полиции в течение первой четверти XIX в., и она получила свою окончательную форму только в последних лекциях зимнего семестра 1824–1825 гг., но само направление его мысли оставалось практически неизменным в течение всего этого периода, что относится и к гейдельбергским лекциям Гегеля (1817–1818), в которых он высказывается о полиции в контексте проблемы неимущих и права человека на жизнь [Hegel 1983^b, 159–164].

Для начала обратим внимание на малоизвестный пассаж «Философии права» (1821) – § 231 в начале главы, посвященной полиции, – поскольку он задает следующие ориентиры в позиции Гегеля по вопросу о полиции: а) современное состояние института полиции всегда сопоставляется с тем, что Гегель называет *Politia* или *Politeia*⁵, то есть с изначальным значением полиции – он сравнивает «полицию сегодня» с каким-нибудь греческим эталоном, но не с немецкой «наукой полицейской службы»; б) теперешняя полиция выродилась, и влияние ее уменьшилось (Гегель использует *herabgesetzt*) [Hegel 1931, 259]; примером этого является полицейское государство, описанное Фихте (во всех своих лекциях Гегель противопоставит Фихте, хотя в основном пользуется его терминологией); в) порядок, обеспеченный силами извне (*äusserliche Ordnung*) или агрессивное вмешательство внешней инстанции в жизнь отдельного человека или гражданского общества⁶ должно упразднить в пользу совершенно иной и более успешной. Задача полиции – работать на предотвращение нарушений, уменьшив, таким образом, необходимость надзора за сообществом, и устранять возникающие препятствия и проблемы во всех конкретных видах взаимодействия или обмена (в самом широком смысле). Чтобы выполнить эту миссию, полиция должна обратиться не к структурам государства, а к ныне утраченным протоколом изначальной *Politia*.

Politia, или общественная жизнь города (*Polis*), на самом деле является деятельностью целого как такового (*Handeln des Ganzen selbst*). Если действия теперешней полиции ограничиваются обеспечением безопасности различных сфер, как утверждает Гегель, то *Politia* сохраняет сплоченность города, деятельность всеобщего. Гегель неоднократно возвращается к этому изменению значения полиции, так как ныне каждый заботится только о себе и нисколько о всеобщем благе [Hegel 1931, 259], теперешняя полиция *de facto* «опекает» связи между индивидами, а не между индивидом и общим как таковым. Во всех гегелевских лекциях прослеживается стремление преодолеть (псевдо-) разрыв между индивидуальным и всеобщим. В § 92 «Философии права» Гегель описывает этот «разрыв», употребляя выражение «деятельность людей» вместо «деятельности целого»:

Politeia учит нас о конституционном строе народа. Сегодня, полиция также является собой всеобщее (*ein Allgemeines*), противопоставленное частному гражданину, но чьей конечной целью является благо индивида как индивида, а не как в *Politeia*, чья цель – благоденствие всеобщности [Hegel 1983^a, 117–118].

А подытоживая свою позицию как противостоящую позиции Фихте, Гегель выражается еще точнее:

Полиция восходит к *Polis Politia*. Изначально это вся деятельность государства, тогда как сейчас это больше не является деятельностью морального общего как такового, но общего, касающегося гражданского общества и государства как государства извне. Она и является тем всеобщим (*das Allgemeine*), которое становится активным в вопросе гражданского общества [Hegel 1974, 587].

Концепция полиции в этом пассаже могла бы напомнить читателю те роли, которые приписываются современному гражданскому обществу и которые касаются надзора за деятельностью государства. Мы имеем в виду прежде всего роль контролера, в чем, возможно, сохранились элементы функций изначальной полиции, подразумевающей самоорганизацию активных граждан с целью наблюдения за государством и охранения всеобщего блага, – граждан, действующих для и во имя пассивных индивидов, которые фактически заботятся только о себе. В новой формулировке полиция (или общее) касается гражданского общества, действует как гражданское общество или в согласии с ним. *Politia*, или полиция в городе (*Polis*), дополняет полицию гражданского общества. Это и есть предлагаемое Гегелем средство против вырождения одного из институтов государства.

В чем же содержание указанной деятельности, нацеленной на «общее»? Гегель, как уже упоминалось, идет по стопам Сен-Жюста, описывая деятельность во имя «общего»: она подразумевает «предупредительный протокол», именно его ищет Гегель, рассматривая вопрос о полиции. Частные лица, разумеется, действуют в своих интересах.

Тем не менее, общее как таковое должно стремиться существовать как общее... Полиция должна пытаться ограничить и установить равновесие между всеми [Hegel 1980^b, 158–159].

Жизнь и выживание индивидов (*Subsistenz*, сохранение жизни) – в самом деле, всеобщий, универсальный вопрос. Это общее сознательно должно быть своей собственной целью. Поскольку каждый человек заботится о собственных интересах, гражданское общество должно ставить своей целью заботу об общем [ibid., 160].

Становится ясно, что «общее» (а значит, и полиция) не может находиться вне гражданского общества. Деятельность и назначение этого *allgemeine Angelegenheit* должны быть в полном равновесии с назначением и деятельностью самих индивидов. Целью является выживание индивидов как таковых, а «общее» держит их вместе, обеспечивая право на жизнь. «Общее по сути своей никогда не должно быть внешним, но должно иметь внутреннее, присущее ему назначение: деятельность самих индивидов» [Hegel 1974, 617]. И только *общая осознанная деятельность* всех индивидов, которая своей целью ставит совместное существование, может навсегда ограничить и уничтожить насильственные протоколы, свойственные полиции в ее современном облике.

Примечания

¹ Кнемейер в известном тексте «Polizei» объясняет, что сопротивление полиции стало либеральной тенденцией в Германии после 1815 г. [Knemeyer 1980, 188–189].

² Жан Дома в «Le droit public» (1697) пишет: «Бог через природу обеспечивает порядок так же, как людям полиция облегчает общение» (цит. по [Napoli 2003, 233]).

³ Существует еще один набор ассоциаций к концепту *Polizei*: «вежливость», «внимание», «предусмотрительность», «изящество» и «красота». «Слово *Polizierung* произошло от латинского *policia* (от *polire, polieren, glätten*)» (W. Grimm, J. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Vol. 7, S. 98; цит. по [Knemeyer 1980, 180]).

⁴ Джон Роулз отмечает особое значение для Гегеля корпорации и милиции в гражданском обществе: «Гражданское общество состоит из трех частей: системы нужд (*Bedürfnisse*) юстиции (*Rechtsflege*), полиции (*Polizei*) и корпорации (*Korporation*). *Polizei* берет начало от греческого *politeia* и имеет гораздо более широкое значение, чем наше слово *police*... Во времена Гегеля полиция обеспечивала не только повиновение законам, но и фиксирование цен на предметы первой необходимости, контроль качества товаров, организацию больниц, городское освещение и многое другое...» [Rawls 2000, 344–345]. Можно заметить в связи с этим, что Адам Смит также говорит о об «особых предписаниях полиции», о «полиции общества», или социальной политике; полиция гарантирует не безопасность государства или граждан, она гарантирует «комфорт». Ненависть по отношению к полиции, которую во французской социальной философии мы видим у М. Фуко, Ж. Раньера и Л. Болтански, является следствием приравнивания института полиции к государственному аппарату.

⁵ Даже в Йене Гегель колеблется между этими двумя версиями транскрипции греческого слова [Hegel 1931, 259].

⁶ «Когда всеобщее (*das Allgemeine*) своим действием извне навязывается индивидуальному (*äusserliche Weise gegen die Einzelnen geltend macht*), нетрудно почувствовать его беспощадность» [Hegel 1983^c, 191].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Беньямин 2012 – Беньямин В. К критике насилия // Беньямин В. Учения о подобии. Медиаэстетические произведения / Под ред. И. Чубарова, И. Болдырева. М.: РГГУ, 2012 (Benjamin, Walter, *Zur Kritik der Gewalt*, Russian Translation).

Foucault, Michel (2004) *Sécurité, Territoire, Population, Collège, 1977–1978, 28 mars 1978*, Seuil, Paris.

Hegel, Georg W.F. (1931) *Jenenser Realphilosophie, Die Vorlesungen von 1805/06*, Band 2, Felix Meiner, Leipzig.

Hegel, Georg W.F. (1973) *Vorlesungen über Rechtsphilosophie*, Band 1, Iltting, Karl-Heinz, hrsg., Frommann-Holzboog, Stuttgart.

Hegel, Georg W.F. (1974) “Philosophie des Rechts, nach der Vorlesungsnachschrift K.G. v. Griesheims 1824/25”, *Vorlesungen über Rechtsphilosophie (1818–1831)*, Band 4, Iltting, Karl-Heinz, hrsg., Frommann-Holzboog, Stuttgart.

Hegel, Georg W.F. (1983^a) *Die Philosophie des Rechts: Die Mitschriften Wannemann (Heidelberg 1817/18) und Homeyer (Berlin 1818/19)*, Iltting, Karl-Heinz, hrsg., Klett-Cotta, Stuttgart.

Hegel, Georg W.F. (1983^b) *Vorlesungen über Naturrecht und Staatswissenschaft, Heidelberg 1817/18*, Becker, Claudia, hrsg., Band 1, Felix Meiner Verlag, Hamburg.

Hegel, Georg W.F. (1983^c) *Philosophie des Rechts, Die Vorlesungen von 1819/20*, Suhrkamp, Frankfurt am Main.

Justi, Johann H.G. von (1756) *Grundsätze der Polizeywissenschaft*, Göttingen.

References

Knemeyer, Franz-Ludvig (1980) “Polizei”, *Economy and Society*, Vol. 9 (2), pp. 172–196.

Laborier, Pascal (1999) ‘La “bonne police”, Sciences camérales et pouvoir absolutiste dans les Etats allemands’, *Politix*, Vol. 48, pp. 7–35.

Napoli, Paolo (2003) *Naissance de la police moderne. Pouvoir, normes, société*, La Découverte, Paris.

Rawls, John (2000) *Lectures on the History of Moral Philosophy*, Harvard University Press, Cambridge.

Searle, John (2009) *Making the Social World*, Oxford University Press, Oxford.

Сведения об авторе

БОЯНИЧ Петар –

доктор философии, ведущий научный сотрудник
Лаборатории сравнительных исследований
толерантности и признания Уральского
федерального университета (УрФУ), Екатеринбург;
директор Института философии и социальной
теории Белградского университета (Сербия).

Author's Information

BOJANIC Petar –

PhD, leading research fellow of Laboratory
for Comparative Studies in Toleration
and Recognition in Ural State University,
Ekaterinburg, Russia; Director of Philosophy
and Social Theory Institute in Belgrade
University (Serbia).